

18+

Азиатский цикл

Часть 1

А Л И Ш Е Р В А С Л И Е В

Алишер Васлиев
Азиатский цикл. Часть 1

«Издательские решения»

Васлиев А.

Азиатский цикл. Часть 1 / А. Васлиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-537023-5

Первая книга этого цикла включает биографические рассказы доктора Алишера Васлиева, где детские воспоминания потомственного суфия сплетаются с культурными традициями и обычаями Средней Азии в завораживающий и волшебный восточный узор. Приятного путешествия!

ISBN 978-5-00-537023-5

© Васлиев А.
© Издательские решения

Содержание

Алишер Васлиев	6
Предисловие	7
Нурата	8
Великий Могол	14
Детство	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Азиатский цикл

Часть 1

Алишер Васлиев

© Алишер Васлиев, 2021

ISBN 978-5-0053-7023-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0053-7022-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алишер Васлиев
СБОРНИК
«АЗИАТСКИЙ ЦИКЛ» часть 1. Рассказы

Ташкент, 2015 год

Предисловие

Автор этих невыдуманных историй – дипломированный врач, который долго путешествовал по миру, сегодня возглавляет Академию целительских традиций в Вене. Первое время он не писал свои рассказы, а только наговаривал на диктофон. В книжную форму эти рассказы перевели его друзья. Нелли Холер первая приложилась к его диктовкам, второй был – его близкий друг, бывший разведчик, который пишет и печатается под псевдонимом Ром Таров. Так рождались его популярные «циклы». Алишер Насырович давал тему, а Ром Таров создавал форму и все следующие, кто слушал и мог напечатать на бумаге, откладывали свои специфические отпечатки в эти книги и так получилось. «Азиатские циклы» – это первая книга из серии художественной прозы автора, подготовленная к печати. Готовятся еще к печати «Венесуэльский цикл», серия рассказов «Малиновый рай», интересная повесть о мастере перевоплощений, генерале Станишевском. Повесть называется «Золото Гиндукуша». Это будет впоследствии. Что можно сказать о докторе Васлиеве: это врач высокого класса, специалист тибетской и китайской медицины, иглотерапии, мастер цигун, психоневролог, кандидат мед. наук с 45-летним стажем врачевания. Имеет богатейший опыт в который собрал опыт целителей Азии, Латинской Америки, Европы, средней Азии. Это врач, который идет путем мистического озарения. Вслед за каждым озарением у него открывался целый пласт или целый набор ступеней восхождения над самим собой, управления своей энергией, управления проявленностью этой ментальной работы в материал и он приближался к состоянию Великого шамана. Потом он посетил Южную Америку и получил несколько посвящений: у мексиканских, колумбийских, перуанских магов. Сам он – внук суфийского шейха и наставник в 47 поколении. И все, что он предлагает вам – это маленькая толика того, что он способен перенести в слова, в бумагу, в информацию. А вообще с ним интереснее общаться вживую. А пока его рассказы «Азиатский цикл». Счастливого плавания!

Нурата

Далеко за пределами Узбекистана известно старинное местечко под названием Нурата, оно находится между Самаркандом и Бухарой. Много веков назад богатые шелком караваны останавливались здесь на отдых, пополняли свои припасы, и шли дальше на запад в Священную Бухару. Этот горный городок стал известен благодаря своим четырем священным родникам, из которых в древние времена, по преданиям, струился божественный свет. Мои родственники по папиной линии были ишаны*, люди, прибывшие в числе первых из арабского халифата и принесшие в эти места новую религию – ислам. Часть мусульман-пришельцев осталась в этих местах, часть осела в Самарканде, а часть двинулась дальше и осела в Чор Бакре в Бухаре. Эти люди истинно верили в своё предназначение – нести мусульманскую веру местному населению, они упорно осваивали этот азиатский край и через сотни лет уже абсолютно не отличались от коренных жителей. Только по приставкам ходжа* в конце их имен можно было узнать, что это потомки тех самых переселенцев. Среди ходжи были особо одаренные люди, величайшие знатоки хадисов* и толкователи мусульманских законов, эти знания передавались из поколения в поколение наиболее достойным и способным ученикам. Руководили этим обучением честнейшие и благороднейшие из ходжей – ишаны. Одним из таких генералов-ходжей был мой дедушка. У него в Нурате был огромный двор – 30 соток, несколько домов по квадрату, отдельно сад за скотным двором. В доме всегда было много народу: просители, больные, ученики дедушки, родственники и прочие. Сад дедушки был знаменит в округе тем, что в нем произрастали все фруктовые деревья, которые могли выжить в этом климате. За садом находились четыре чашмы*. Из каждого источника вытекала совершенно разная по вкусу, благодатная вода. Говорят, что когда-то из каждой чашмы вверх бил луч света и поэтому это место и называется Нурата*. Место благодатное, с потрясающим воздухом с интересными людьми, которых местные называют то араблар*, то хаджилар*.

Мои папа и мама в те времена работали в Самарканде, мама была секретарем райкома. Они были молоды, занимались своим карьерным ростом, поэтому, когда я заболел, им было не до меня, они привезли своего больного сына к дедушке и оставили там, чтобы он вылечил. А дедушка меня очень любил и говорил, что я есть явление воплощения, возвращения и перерождения в жизнь его учителя, его наставника, его деда – Мавлянходжа. Он частенько и называл меня этим именем, при этом обращаясь всегда на «вы»: Вспомните, пожалуйста, Вы раньше это хорошо знали, и учили меня этому, – терпеливо что-то новое для меня разъяснял дед.

Однажды рано утром мы с ним отправились на базар за мясом. Рынок находился на автостанции, там всегда было много народа, люди приезжали, уезжали во все концы, тут же на месте покупали всё необходимо. Мясом торговал знакомый, которого звали Алимджан, наш дальний-дальний родственник, он всегда оставлял самые хорошие куски баранины для деда. Тем вечером мы ждали гостей, друзей дедушки, старичков суфиев, которым было по сто лет каждому, и которые решили собраться и пообщаться. Одному из них, якобы, было видение, что он уйдет, в ближайшее время, в мир иной, и поэтому нужно попрощаться с друзьями. А какое прощание без плова? Решили собраться у нас, так как дедушка был мастак готовить вкусный плов. Дом наш находился в верхней части города, а автостанция внизу. Предстояло спускаться по горным крутым извилистым улочкам, по пыли и грязи, так как по центру улочек в таких старых городках всегда протекают арыки. Мы идём вниз, прошли через одну, потом другую махаллю, там дорожка заплетяла как в любом кишлаке. Мы должны были обойти вокруг одного очень большого двора, который был огорожен забором, выложенным гувалей*. И вдруг мы увидели огромную дыру, образовавшуюся в заборе. Похоже, что кто-то не совсем трезвый на самосвале решил спрямить дорогу и, пробив забор, благополучно проехал через сад, пробил забор на другом конце сада и уехал по дороге. И настолько пьяный был, что при этом умудрился

не зацепить ни одно дерево, Аллах его вывел! Моментально оценив выгоду прямого пути, я говорю:

– Дада, пошли в эту дыру.

– Во-первых, ты не знаешь, куда эта дыра выводит, – парировал дед, во-вторых, на чужую территорию заходить, наверное, не хорошо.

– Мы же ничего не тронем и сократим целый километр обхода! А так надо по улицам и тупикам, через арык, через сай, через грязь обходить это хавли*.

– Ну ладно, согласен, только если мы будем идти и молить Бога о прощении за то, что мы, нарушая чужое пространство, нарушаем закон.

– Да, ладно, кто нас в 7 утра увидит? Какой закон?

– Э, Аллах! Вы зачем такие слова говорите? Ведь Вы раньше знали и соблюдали все божественные законы, а теперь Вы не хотите этого делать, – дедушка опять перешел со мной на «вы» и назидательно начал рассказывать какую-то историю про Мухаммада, про закон, про верблюдов и про то, что в мире делается вовремя, и не вовремя.

– Э э, – возражаю я ему, – пойдем и Бог нам преподнесет подарок, за смелость.

Мы вошли в пролом. Наманганские яблочки, которыми был усажен весь сад, были в периоде созревания. Вдруг падает яблоко, дед хватает его как муху на лету и говорит:

– Ты был прав, юный отрок. Смотри, какое яблоко!

– Ура, сейчас мы его откусим. Я с одной стороны чуть-чуть, а остальное тебе. Это утренний подарок Аллаха!

– А вдруг, – сказал дед, – это просто депеша, которую нам он послал, чтобы мы перенесли ее и отдали кому-то. Где же это знание?

– Аллах, Аллах, – начал я самозабвенно молиться, – дай нам это знание, пусть это яблоко будет нашим.

И пока я в страстях причитал и молился, чтобы яблоко стало нашим и я мог бы съесть его, мы вышли через второй пролом на улицу, а там, за забором сидит наш городской слепой Рахматулло ака. Разложился, настроил дутар и поет:

– Аллах, Аллах, я тебе пою мою песню любви к тебе, а за это ты мне дай утренний подарок свой. О, Аллах! Рахмааааат*!

Тут дед и говорит:

– Я же догадывался, что мы просто переносчики, мы просто почтальоны. И это сообщение было для него, а не для нас. О, Рахматулло, я приношу тебе послание, которое передал тебе Всевышний!

– Э, Ходжа ака, это Вы? Я Вас по голосу узнал. А рядом этот шайтан Алишер хан? Который шел и уже разевал рот на мой божественный подарок, который мне послали небеса?

– А Вы уже все слышали?

– Хоть я и слепой, но не глухой же, я еще и музыкант и уши у меня острые. Я все узнал уже за полкилометра по вашему запаху, такой аромат базилика и камфары, который Вы носите на себе, никто не носит.

– Бале*, бале, мой сынок, ты и меня старика узнаешь.

– Благословите отец, чтобы я здесь зря не сидел и пусть это послание будет не только мне, но и вам божьей благодатью.

– Аминь, – произнес дедушка и отдал яблоко слепому.

И пошли мы дальше своей дорогой, опять перепрыгивая через разлившиеся арыки, что нам не всегда удавалось и, в конечном итоге, мы испачкались основательно. Дедушкины ичиги и мои сандалии были полностью заляпаны жидкой грязью, но мы не замечали этого, механически продолжали движение. Мне было дискомфортно, я был недоволен, что яблоко мне не дали, настроение окончательно испорченное. А дедушка рассказывал одну из своих историй о том,

что нельзя быть жадным, что надо быть готовым пересилить желание, передать что-то другим, чтобы, позднее, получить свое сполна.

– Наблюдай, – наставлял он, – и ты увидишь, как раскроется твой сегодняшний день во времени, и он будет в полной твоей весне.

Через час мы наконец добрались до автостанции, народу там было много, как и в каждое воскресное утро кипел базар, все покупалось, продавалось. Чуть в сторонке стояла заплаканная женщина и причитала:

– Горе мне, горе! Как я дожилась до такого позора! Как я могла потерять эти 25 рублей! Всю свою пенсию! Что я внучке скажу? У нее ведь День Рождения, я обещала ей приготовить плов, придут ее подружки, как она их встретит? Горе мне, горе, старой растеряхе!

Дедушка участливо посмотрел на нее и вдруг произнес:

– О, уважаемая мамаша, не ваши ли вот эти деньги, которые валялись вон там?

И протягивает ей 25 рублей, которые ему дала бабушка, чтобы он купил мясо. Я хотел что-то сказать, но он меня опередил:

– О, достопочтенный Мавлянходжа, закройте Ваш божественный рот на секунду и подышите носиком.

Я понял, что мне надо молчать, хотя меня душило возмущение: как так, бабушка дала нам эти деньги, чтобы мы купили мясо домой. Я же так был настроен на плов, а тут дедушка опять что-то делал не то. Он отдал деньги незнакомке, которая очень удивилась и обрадовалась:

– Да будет благословен твой день, твой час, твои руки, твое доброе сердце, твоя пронизательность, почтенный Ходжи ака! Аллах Акбар! – Взяла деньги и быстро скрылась из вида.

Подошли мы к мясному лотку, где наш Алимджан должен был продавать мясо, а мяса не было, лоток был пустой. Взволнованный мясник стоит в толпе желающих купить мяса и крутит постоянно головой по сторонам.

– Ассалом Алейкум, ва Рахматулло и барака*! Да пребудет в вашем доме достаток! – Приветствовал его мой дедушка.

– Да сегодня, по-моему, барака не предвидится. Доставщик мяса, видимо, застрял. Простый раз он проколол колеса недалеко от города, на повороте к ферме, там, где закопана старая сеялка. Помните, там еще торчали всякие острые железки, и все время кто-то прокалывал там свои колеса.

Дедушка посмотрел на столпившийся народ, посмотрел на мясника, который точно подметил место возможной задержки и тихо произнес:

– Никто до сих пор не додумался убрать это препятствие с дороги. Да, наверняка наш москвич проколол шины и стоит там.

Он повернулся и пошел вниз к дороге, где был «пятак» таксистов. Спустившись, подошел к одному знакомому таксисту, которого частенько отчитывал от женского сглаза. Красавец, атлетически сложенный мужчина, он имел томный взгляд и черную родинку над усами, которая с ума сводила не одну местную девицу.

– Э, Ахмадулло, инджа бьё*! Ты должен съездить на место, где сеялка закопана, там возможно стоит наш «москвич» с пробитыми шинами. Надо забрать у него мясо и привезти сюда быстрее, а то люди уже заждались.

– Я не могу, сейчас придут клиенты, и я повезу их в Самарканд.

– Если ты это не сделаешь, можешь ко мне больше не приходить, – жестко сказал дед.

Ахмадулло был вынужден поехать с продавцом и через час мясо привезли к лотку. Его быстро распродали, потому что люди уже долго ждали и первой купила та самая бабушка, что потеряла свои деньги. Алимджан был доволен что распродал мясо, кассоп* – что красиво расчленил, порубил тушу и получил свою долю. А нам, в конце концов, мяса не осталось! И тут я очнулся, во мне проснулся тот неистовый Мавлянходжа, дедушкин учитель, и заговорил:

– Да, теперь мы вернемся домой, плова не будет, бабушка нас будет ругать и вообще это безобразие, ты отдал наши деньги, мы остались с пустыми руками.

– Тсс, успокойтесь. Наберите воздух в ваши божественные легкие и успокойте свою горячую душу Мавлянходжа Тура. Аллах для нас тоже приготовил подарок, я надеюсь.

А Алимджан, улыбаясь, сказал, что он вырезал самое лучшее место – сарпанджа* и оставил нам:

– Более благородное дело, чем вы сегодня сделали, никто сделать не мог и это не должно остаться без подарка! И это подарок сегодня от меня, так как у меня сегодня хороший магарыч. Это вы дали мне возможность заработать, позвав своего ученика, чтобы он съездил за застрявшим мясом. И вот я остался не без денег, кассоп не без денег, все покупатели мои довольны, все меня благословляли. Поэтому эта вырезка мяса от меня вам подарок, бесплатно!

– Как бесплатно? Запиши на мой счет.

– Ходжа ака, это Вам подарок через меня от Аллаха! Потому что вы сегодня были моим подарком от Аллаха!

Красиво завернул нам мясо, положил в какую-то сумочку и хитро добавил:

– За сумочкой я приду к Вам завтра, у меня есть к Вам один разговор.

Мы пошли по базарным рядам на выход и отовсюду к дедушке подбегали его бывшие ученики и просто знакомые. И каждый считал своим долгом выразить почтение старцу и при этом одарить его чем-нибудь. Дедушка приветливо отвечал всем и упорно отказывался от подарков, но как-то рис, масло, овощи и другие мелочи нам все же подсунули в сумку. На обратном пути я шел насупленный и уставший. Пик жары – 3 или 4 часа дня, солнце в зените, жарко, хочется пить, не хочется никуда идти, а надо еще топать домой. И когда мы дошли до того места, где была дыра в заборе, там сидел наш слепой и говорит:

– По велению Аллаха прилетели три джинна и построили снова забор. Смотрите!

А дыра в заборе заложена новыми кирпичами, без глины просто заполнена, как будто кто-то на арбе привез и вывалил.

– А случайно, эти джинны не на арбе были, на ишаке? – Спросил дедушка.

– Может быть, – отвечает слепой, – я же слепой и ничего не вижу.

– А уши твои божественные не слышали, как ишак хрипит, когда ему не нравится, когда ему палкой в бок тыкают, или ты не почувствовал как он воняет?

– Может быть, Ходжа ака, Вы как всегда правы.

– Благодаря твоим джиннам сегодня нам на один километр удлинилась обратная дорога домой

– А вы посидите со мной, отдохните. У меня целый термос чая, меня угостили самсой, давайте вкусим всего этого. Я как раз ждал, когда вы назад пойдете, я же должен был отблагодарить своих почтальонов. Сегодня я заработал, смотрите, сколько денег.

Перед Рахматулло была полная шапка мелочи, рублевками, трехрублевками, которые ему подали местные жители, шедшие на утренний базар. Они просили у него благословения и оставляли ему денег от щедрот своих, кто-то на обратном пути принес ему термос чая и еще кто-то горячую самсу. Некогда она была горячей. Помня, что мы будем возвращаться, Рахматулло решил ответить добрым жестом. Он посадил нас рядом с собой, помолился своим предкам и мы стали есть эту не самую аппетитную самсу, в которой было очень много лука и очень мало мяса. Но из-за того что мы были голодные и уставшие, и день клонился к концу, и мы сидели в тени огромной урючины, нам показалось все очень вкусным. Кушали самсу, пили зеленый чай, опустив ноги в прохладный арык и благословляли тех, кто оставил этот термос и эту самсу. И все плохое, все тяжести покинули нас, наступило блаженство. Но надо было идти домой, мы поблагодарили слепого и пошли дальше. Теперь нам пришлось обходить весь этот огромный двор, забор которого был утром пробит чьей-то машиной и который джинны днем залатали.

– Дада, джинны действительно залатали забор? – спросил я.

– Да нет, наверно местный милиционер привез 15-ти суточников, которых люди называют джиннами. Потому что они, напившись водки, буянят как вылетевшие из бутылки джинны, – ответил дедушка и тут же рассказал какую-то историю, на которую я должен был отреагировать и принять эту ситуацию.

Когда мы добрались до дома, я потихонечку на ухо бабушке докладывал спец информацию: кому отдали деньги, за что отдали деньги, с кем виделись, что говорили люди, а бабушка поддакивала:

– Да, да, о-о-о, Ходжа ака у нас человек особенный. В конце то концов вы пришли с мясом, с рисом, с большой желтой сочной морковью, которую привозят из ферганской долины и принесли зигр яг*. И сейчас он сделает зирвак*, и вечером придут гости, и будут есть плов.

Когда все старички собрались и плов вот-вот должен был быть подан на стол, дед попросил принести куза*, который раньше был закопан в землю, а сегодня его выкопали и положили в холодную воду. В нем хранилось домашнее красное вино. Я еле-еле нес этот кувшин, в котором, наверно, было 3—4 литра, пыхтя, дотащился до тахты. Кто-то из самых молодых, 70-летних, стариков взял его у меня и сказал:

– Эй боле, боле, болам*, Пусть твои руки всегда будут приносить людям радость!

Разлили вино, и кто-то процитировал Омара Хайяма, его стихи о том, как надо пить вино. А дедушка попросил слова и поднял свою пиалу:

– Я предлагаю вначале выпить за своего учителя, за того, кто сидит тут, за этого безобразника Мавлянходжу! Хотя и назвали родители его Алишер хан, но он воплощение моего учителя, такой же резкий, жесткий, но всегда смотрящий в самую суть, в самую сердцевину вещей, в самую истину. И я хочу выпить за то, чтобы он стал более терпелив и внимателен, потому что муджиза появляется из ничего, проходит широкий круг людей, порождает огромный шлейф позитивных реакций и, в конце концов, исчезает в празднике пламенения сердец. Так было сегодня!

– А где муджиза? Где она была? – Нетерпеливо спросил я.

– А разве не муджиза, что нам в руки упало зрелое яблоко? И ты хотел его укусить, но не укусил и передал его как почтальон дальше. А разве не муджиза, что бабушка потеряла деньги, и мы отдали ей свои за те утерянные ею? И нам без денег дали мясо? И все остальное, необходимое нам сегодня, что передали нам люди? Разве не муджиза, что даже бабушке достался в подарок белый платочек? А наш сегодняшний такой прекрасный плов? Разве не муджиза, что на плов пришли все мои друзья и никто по дороге не потерялся, не умер? Вам всего пять лет, я хочу выпить за ваше великое терпение и ясность сознания, – продолжил Ходжа ака, – и за то, что мне попался такой ученик! И дай Бог, чтобы тогда, когда Вам исполнится 60 лет, Вам попался бы такой же ученик!

Все радостно поддержали дедушку, кто то подарил мне курт*, кто то – четки, как будущему учителю. Посадили меня рядом с собой, налили мне пиалу вина пополам с зеленым чаем. Помню, хлебнул я и весь свет поплыл у меня перед глазами, кружились четки и курт, которые мне подарили, и плов с кусочками думбы* сверху. Я уже не понимал ничего, сердце мое ликовало, летело куда-то в вышину, где-то в сознании, звучало: «Муджиза, муджиза, муджиза». Стелился шлейф муджизы, хорошие события, смех и радость стариков. И обволакивающие все пространство слова деда: «И все собрались, и никто не умер, разве это не муджиза?».

Утром меня разбудило пение куропатки: «пит-пул-дук, пит-пул-дук, пит-пул-дук», как бы пробуждая к новой жизни. Дедушка на суфе молился, на маленьком столике был накрыт чай, мир уже проснулся. Бабушка, заметив мое пробуждение, сказала:

– Идите, мойтесь, чай вас уже ждет.

Когда я вернулся после омовения, дедушка сидел, улыбался и излучал своими бездонными зелеными глазами божью бараку:

– Да прибудет Ваше сердце предельной радостью, садитесь, сын мой, будем пить чай.
Так начинался новый день.

Примечания:

– ишан – в переводе с персидского «они» (в понятии эти люди). Обычно так называли руководителей мусульманских общин суфийского толка.

– ходжи – в переводе с персидского «господин». Почетный титул мусульманина. Не путать с хаджи-почетный титул мусульманина, совершившего хадж в Мекку.

– хадис – толкование Корана. Араб.

– чашма – родник. Перс.

– Нурата – отец света. Тюрк.

– араблар, хаджилар – арабы, гонцы веры. Узб.

– гуваля – куски необожжённой глины по форме сайки, применяются в строительстве. Узб.

– хавли – двор, усадьба. Узб.

– рахмат – спасибо. Узб.

– бале – давай, молодец (подбадривание). Перс.

– Ассалом Алейкум, ва Рахматулло и барака – Хвала Всевышнему, благодарному и дарующему. Араб.

– инджа бьё – иди сюда. Тадж.

– кассоп – мясник, режущий скот. Тюрк.

– сарпанджа – контрфиле. Узб.

– зигр яг – льняное масло, применяемое при приготовлении особого плова. Тадж.

– зирвак – поджарка для приготовления плова. Узб.

– куза – большой деревянный кувшин для хранения вина. Узб.

– болам – сынок. Узб.

– курт – сухой йогурт. Узб.

– думба – курдючное сало. Узб.

– Муджиза – чудо. Узб.

Великий Могул

В далеком детстве, в период серых осенних дождей, когда играть во дворе было нельзя, Великий Могул* частенько сидел на стеклянной веранде и наблюдал как дождевая вода струйкой стекала в огромную бочку.

Бабушка набирала эту воду, стекающую с небес, в бочку, называя ее специальной. Его дед говорил, что в этой воде заключено вся барака Аллаха*. Бабушка ревностно собирала эту воду, чтобы купаться в ней, мыть волосы, поливать какой-то заморский цветок, который у нее очень плохо рос. Она говорила: раз там много бараки аллаха, значит, цветок и оживет.

Мальчик наблюдал, как этот гигантский чан наполнялся небесной водой, гигантский чан в котором когда-то перевозили промышленное масло. Для Могула это была огромная тара, в ней он частенько прятался, играя во дворе. Могул удивлялся:

– Так много воды? Зачем столько воды? – Великий Могул сидел и наблюдал.

Могул в тот день был такой несчастный, у него в очередной раз продуло ухо и болело горло. Он заглядывал сверху в бочку с водой, видел как облачное небо, отражаясь в собранной воде, рассеивается после прошедшего дождя. Он видел, как капля отмеряет время – бараку, падая, ломает зеркальную поверхность этого чана и кольцами расходится по ней.

Вот так сидя он услышал скрип двери и в перевернутом мире этого чана появился дядя Али Акбар – брат деда. Он покашливал, входя во двор, и шутливо приговаривал:

– Да будет барака в вашей бочке и в вашем доме.

Бабушка кричала из кухни:

– Акбар заходите, сейчас я сделаю чай.

– Где ваш Великий Могул? – Спрашивал Али Акбар.

Бабушка отвечала:

– У великого Могула болит ухо и у него ангина.

– Да. Я знал об этом и принес керосина, сейчас будем мазать керосином в горле у великого Могула.

Великий Могул встрепнулся. Тревожные мысли побежали в его голове – убежать, спрятаться под диван. Он не любил такие штучки как насильственное намазывание горла зловонным керосином. Тем более смысл этого он никак не понимал, кроме зловония и неприятностей он не видел ничего во всем этом. Но его не отпускало это перевернутое магическое изображение в бочке. Он видел, как бабушка получала подарки из рук дяди Акбара. Мир в этой бочке был перевернут каким-то таинственным образом. Он представлял, как бабушка моет волосы и вычесывает длинным деревянным гребнем из шамшита.* Как она мажет кислым молоком свои волосы и причитает: «Господи я отдаю свои волосы в Твои руки, в Твою божью бараку и купаю в ней свои волосы, чтоб они были черные и красивые. Чтоб Тохта ходжа Ишан любил меня сильней, чтобы, когда гладил меня по голове, он говорил: „У тебя волосы, как у молодой гнедой кобылицы“ и рука его нежно притягивала к себе мою головушку непокорную и заставляла почувствовать его мужественный торс».

Своим детским умом, не понимая, что происходит, мальчик стал наблюдать этот перевернутый мир. Мир, в котором, отражалось все, что сделал Бог со своей баракой. Он видел яркое, лысое отражении дяди Акбара. У него были маленькие усики под носом, очки круглые, какие носил Берия, китель, какой носил Сталин, и хрустящие сапоги. Все мужчины его рода были в прошлом военные. Выправка и стать оставались в нем до конца жизни и нереализованный дух конных офицеров сквозил во всем.

Дядя передал подарок бабушке, своей дальней родственнице и вместе с ним бутылку с керосином. Затем шумно пошел в комнату и громко провозгласил:

– О, великий Могол, приготовьте свое божественное горло. Я принес вам небесный керосин, чтобы полечить вашу ангину.

Тут маленький Могол соскочил с места и с воплем спрятался под диваном, в самый дальний угол, как кошка, которая не хочет, чтобы ее мучили, делали ей клизму, делали ей уколы, играли с ней в доктора.

Али Акбар вошел в комнату и услышал тишину, наткнулся на нее, как на саркофаг, и подумал вслух:

– Это великий Могол в страхе.

Тут же, быстро надев маску хитрого человека, заговорил громко:

– О Господи, как великолепен Твой день! Какой смелый полководец наш великий Могол! Скажи мне, под каким диваном он спрятался?

Мальчик начал визжать:

– Не хочу керосин, не хочу клизму, не хочу ничего. У меня болит ухо. Отстаньте от меня.

Дядя говорит:

– Божья барака в керосине так велика. Ну, дай помажем хотя бы ухо и горло сверху. И тогда я тебе дам халвы.

Великий Могол, соблазненный, подкупленный и обманутый, вылезает из-под кровати, протягивает свою маленькую руку и говорит:

– Где халва?

Дядя рукой показал на свое горло. Он дал ему кусочек халвы, потом моментально схватил его тайным захватом сибирского медведя. Мальчик начал визжать, беспомощно открывая рот и получил порцию керосина в горло. Великий могол поперхнулся керосином, керосин шел через нос, через горло. Он плакал, сопел, из него текли слезы вперемешку с керосином. А дядя Акбар говорил:

– Ага, вот теперь ангина побеждена. Великий Могол будет жить

Прошло какое-то время. Обиженный, оскорбленный, преданный за кусок халвы своим собственным дядей Акбаром, Великий Могол лежал и плакал, спрятавшись глубоко между сложенных одеял и подушек в тахман.* Он спрятался туда как моль, забрался куда-то в самую глубину, наполненную запахами бабушки, дедушки, нафталина. Рядом с завернутыми в одеяла и полотенца, припрятанными туда яствами для гостей, которые благоухали и кричали:

– Мы тут, укради нас, съешь нас, гости подождут.

И так он заснул. Так проходил день великого Могола.

Вечером возвратился дед и говорит:

– О, ваше величество! Как ваше больное горло?

Из тахмана между одеялами выпорхнул на молодых крыльях если не орел, то серая моль с больным горлом:

– Дада джон, дада джон. Тут пришли и меня обманули, намазали керосином.

Дедушка говорит:

– То, что обманули – это плохо, а то, что намазали керосином – это не плохо. Зато я тебе принес подарок.

Он принес маленький металлический автомобиль, в котором была пипка, которую нужно было крутить. Он ездил две минуты. Ездил по всему столу, шумя, гремя, падал куда-то и мальчик его ловил. И все время говорил:

– Вой!

Потом дед пил чай, сильно сопя своими крупными, толстыми ноздрями. Улыбался и говорил:

– Да... Скоро ты вырастешь, и мы тебя женим.

А мальчик говорил:

– Зачем меня женить? Зачем мне жена? Мне так хорошо одному с дедушкой, бабушкой и дядей Акбаром.

Так время уходило в синюю ночь и растворялось среди звезд. Во дворе стояла большая бочка, в которую капала с крыши каплями вода и рассказывала эту историю уснувшему на зиму кусту винограда.

Примечания:

- Великий Могул – второе имя завоевателя Индии шаха Бабура.
- барака Аллаха – дары Всевышнего.
- шамшит – дерево ценной породы на Кавказе, из которого делались различные сувениры.
- тахман – в Средней Азии ватные одеяла хранятся сложенными на сундуке, эта конструкция и называется тахман.

Детство

Я расскажу вам маленькую историю из моего далекого детства.

Жили мы в старом Ташкенте, в махалле* в районе Шейхантаура*. Как раз напротив того места, где была усыпальница великого суфия Шейха Ховенди ат-Тахура, был наш двор. Обычные старгородские дворы, которые встречаются во всех крупных городах Средней Азии, в Бухаре и Самарканде. Этим дворам уже по 200 – 300 лет, со старыми деревьями толщиной в три обхвата, снисходительно с высоты роста и возраста смотрящими на человеческую суету. Во дворе была квадратная глиняная суфа* пять на пять метров и метровой высоты. Ее покрывали кошмой, затем по кругу расстилали курпачи* и подушки. В середине ставился небольшой столик на низких ножках, под который в холодное время ставился железный таз с углями, своеобразный сандал*. Этот столик обычно использовался как обеденный, за ним встречали и приходящих гостей. А когда приглашались музыканты, то они сидели на суфе, а слушатели располагались вокруг нее.

Каждую пятницу у нас собирались дедушкины друзья, один старше другого. Моему деду было больше ста лет, но он просил никому не говорить об этом и каждый год справлял свое семидесятилетие. Самому молодому из них, дяде Ахмаду было 78 лет, он был брадобреем, по-современному – парикмахером. Будучи пятилетним мальчишкой, я часто помогал ему по работе. Мне доверяли подготовку клиентов к процедуре, я намыливал головы для бритья и стрижки чинно сидящим в фартуках и ждущим своей очереди клиентам. Все это было целым ритуалом, намыливая им головы, я разговаривал с ними на различные темы, чувствуя себя при этом очень взрослым человеком. Клиенты считали, что у меня очень легкая рука, они наслаждались, мысли куда-то улетучивались, появлялась расслабленность, многие засыпали, а некоторые становились разговорчивыми и делились историями своей жизни.

Однажды, во время очередной такой процедуры, я узнал что один из стариков умер. Умер легко, не мучаясь, в теплом кругу своих близких и родственников. Потом умер еще один старик, потом другой, потом третий. Через короткое время в живых остались только мой дед и трое его друзей. Я встревожился и сказал деду:

– Дедушка, пусть дядя Ахмад не приходит к нам брить кого-нибудь из наших родственников!

– Почему? – удивился мой дедушка.

– Потому, что в тот раз после бритья умер дядя Файзулла, до него дядя Алиакбар, до этого дядя Дильшод. Я так не хочу, а то так все умрут. Наверное, у брадобрея есть какая-то тайна.

– Конечно, есть – успокоил меня дед. – У каждого есть какая-то своя тайна. Вот смотри: наша соседка тетя Зебо постоянно ругает своих дочерей, желает им на голову всяческих несчастий, а они благополучно выходят замуж и на загляденье живут счастливо в новых семьях. У тети Зебо такая задача. А другая наша соседка молчит и на всех сглаз накладывает, многие болеют после ее порчи. Тетя Хайриниссо ходит к ведунье отчитываться и снимать порчу. А у нашего брадобрея дяди Ахмада тоже, видимо, есть своя задача. Он свою работу делает от души, как в последний раз и не осознает своего дара. После его бритья и стрижки как будто груз с головы падает. Ты замечал это?

Я был еще маленьким и не понимал, что значит груз прожитых лет. А дед говорил о том, что побрившись и подстригшись, люди получают облегчение, становятся чистыми телом и им легче уходить в загробный мир.

Этот разговор, как и многие другие, проходившие в далеком детстве в повседневной жизни за чаем или за делами, через короткое время благополучно мной забылся.

Вечером этого же дня к моей бабушке пришла ее подруга, тетушка Марьямбиби. Две старушки, готовя что-то вкусненькое на очаге, разговорились. Тетя Марьямбиби пожаловалась

на то, что ее муж очень долго болеет. Он был бывший военком, полковник, уважаемый человек, всегда был очень крепким и сильным мужчиной. А теперь болел и никак не мог выздороветь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.